

SHATILOV Aleksandr Borisovich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Dean of the Faculty of Sociology and Political Science, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; Absh71@yandex.ru)

RUSSIAN POLITICAL SCIENCE: IS IT THE TIME FOR MODERNIZATION AND NATIONALIZATION?

Abstract. In the article, the author raises the question of the modernization of current Russian political science and its exit from the harsh influence of the liberal-progressive paradigm, which was actually imposed on it at the turn of the 1980s–1990s. The author analyzes the current state of political theory, and notes the archaism of a number of its schemes and postulates, the inadequacy of the present hierarchy of its priorities, excessive subjectivity and ideological bias. The author proposes conducting a large-scale revision of its conceptual foundations and content, taking into account the rich Russian political experience, and notes that nationalization will not mean the creation of some kind of «autonomous, autarkic political science», but the disclosure of its intellectual potential based on national tradition within the global trends towards multipolarity and multiculturalism.

Keywords: political science, theory, methodology, terminology, nationalization, modernization, borrowings, liberal dogmatics, traditional values

ИЗГАРСКАЯ Анна Анатольевна – доктор философских наук; ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; aizgarskaya@gmail.com)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И МИРОСИСТЕМНЫЕ ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ: ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Аннотация. В статье описана типология пространств социальных отношений, позволяющая выявлять и сравнивать структурные различия, а также факторы динамики современных обществ с учетом их множественности. Основой типологии является синтез ключевых понятий и теоретических положений миросистемного подхода, теории геополитической динамики и геоэкономики. Сочетание геополитических (большая территория влияния, малая территория влияния, центральное положение, окраинное положение) и миросистемных (ядро, полупериферия, периферия) параметров позволило получить двенадцать типов пространств социальных отношений, отражающих объективные преимущества и неудобства государств в процессе реализации внутренней и внешней политики.

Ключевые слова: миросистемный подход, геополитическая теория, динамика обществ, территория влияния, циклы гегемонии миросистемы

Введение. Проблемы геополитики и как науки, и как реальности снова оказываются в центре внимания отечественных и зарубежных ученых. Интерес к данной проблематике не случаен. Сегодня соперничество государств за территорию проявляется особенно остро, и, как в 1990-е гг., в эпоху трансформации международной системы, вызванной распадом системы социализма, воз-

никает потребность анализа теоретического инструментария, пригодного для объяснения и предсказания явлений интенсивно меняющейся действительности. Обращает на себя внимание то, что, объясняя геополитические явления, ученые часто выбирают научный инструментарий, который содержит в себе акцент на некоторую особенность [Цымбурский 1993; 1997] и даже метафизическую уникальность [Дугин 2007] территориального образования – государства. Такие объяснительные модели строятся без обширных обобщений и, как правило, нацелены на исследование состояния одного конкретного субъекта международных отношений. Есть в геополитической науке и представления о качественных различиях государств и подконтрольных им обществ. Например, такие различия присутствуют в бинарных моделях классической геополитики «суша – море», «хартленд – римленд», «Восток – Запад», «Север – Юг», «сильные – слабые», «добро – зло». Однако такие модели указывают лишь на линии «разломов» в международной системе. На сегодняшний день необходима теоретическая модель, отражающая сложную структуру современных обществ, учитывающая их различия и множественность.

Теоретическая база исследования. Достичь необходимого уровня обобщения на базе самой геополитики в силу ограниченности ее предмета, а именно соперничества политических сообществ за пространство, не представляется возможным. Необходим синтез с более общей теорией, которая в своем арсенале имеет средства анализа как существующих современных обществ с учетом их множественности и структурных различий, так и включающей их глобальной системы. Такой инструментарий может предоставить миросистемная концепция И. Валлерстайна. Основания синтеза видятся в том, что геополитика и миросистемный подход исследуют два взаимосвязанных процесса, сформировавших современную международную систему – борьбу за территорию и борьбу за капитал. Цель статьи – предложить теоретико-методологический инструментарий для анализа динамики обществ с учетом их структурного геополитико-миросистемного разнообразия.

Современный мир является системой взаимосвязанных, но различных по своим структурным характеристикам обществ. Важные структурные различия обществ заданы различиями в их способностях добиваться успеха в борьбе за капитал и в борьбе за территорию. На связь данных процессов указывали в своих работах основоположники марксизма. В «Манифесте Коммунистической партии» они рассматривают капитализм как расширяющуюся в пространстве экономическую систему. Еще более отчетливо эта идея присутствует в очерке В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». На взаимосвязь роста капитала и контроля над территорией указывала Р. Люксембург в монографии «Накопление капитала». Р. Люксембург предвещала кризис системы капитализма в период ее максимального территориального расширения. Эти идеи нашли отражение в работах И. Валлерстайна при описании механизма роста миросистемы. Отчетливо связь роста капитала и контроля над территорией представлена в трудах Дж. Арриги. Перефразируя общую формулу капиталистического производства К. Маркса, он указал на существование различных логик взаимосвязи капитала и территории – капиталистической (направлена на получение дополнительных средств платежа по формуле «деньги – территория – деньги») и территориалистской (направлена на приобретение новых территорий по формуле «территория – деньги – территория») [Арриги 2006: 75]. Капиталистическая логика, по мысли Дж. Арриги, является более действенным средством экспансии, однако только в сочетании с территориалистской логикой она в XVIII в. обеспечила странам ядра небывалый

масштаб расширения миросистемы [Арриги 2006: 103]. Впервые идею синтеза миросистемного подхода и геополитики высказал в 1990-е гг. Р. Коллинз [Коллинз 2000]. Сравнительный анализ геополитических концепций и обоснование выбора теории для синтеза с миросистемным подходом осуществила А.А. Изгарская [Изгарская 2002]. Осуществленный синтез позволяет усилить эвристические возможности теоретического инструментария, восполнить имеющиеся в моделях лакуны. Миросистемный анализ способен раскрыть источники и соизмерить величину геополитических ресурсов государств, а теория геополитической динамики Р. Коллинза делает обозримой проблему конкуренции внутри основных групп стран миросистемы – ядра, периферии и полупериферии.

Результаты исследования. Полученная в результате синтеза типология пространства социальных отношений построена с учетом миросистемных характеристик, отражающих преимущества и неудобства обществ в борьбе за капитал (ядро, полупериферия, периферия), и геополитических параметров преимуществ и неудобств в борьбе за территорию (большая – малая территория, окраинное – центральное геостратегическое положение). Двенадцать типов пространств социальных отношений позволяют увидеть различия возможностей соответствующих им государств и подконтрольных им обществ, что отражено в табл. 1.

Таблица 1

Типы пространств социальных отношений в миросистеме

Геополитические параметры			Статус государства в миросистеме		
Территория влияния	Положение в системе	№	ядро А	полупериферия Б	периферия В
Большая	Окраинное	1	А 1	Б 1	В 1
	Центральное	2	А 2	Б 2	В 2
Малая	Окраинное	3	А 3	Б 3	В 3
	Центральное	4	А 4	Б 4	В 4

В самых общих чертах опишем характеристики критериев. Миросистема – организованное особым образом многоуровневое пространство социальных отношений. Условием ее существования, в соответствии с идеями основоположника миросистемного подхода И. Валлерстайна, является международная система разделения труда, которая создает социальные ниши выживания включенных в нее обществ и выражается в поляризованной структуре «ядро – полупериферия – периферия». На современном этапе существования миросистемы страны ядра (А1, А2, А3, А4) имеют многоотраслевую экономику, специализируются на производстве передовых технологий, реализуют на мировом рынке высокотехнологичные товары и способны аккумулировать большую часть мировых богатств. Полупериферии (Б1, Б2, Б3, Б4), как правило, специализируются на трудоемких производствах товаров массового потребления. Периферии (В1, В2, В3, В4) поставляют на международный рынок сырье и/или дешевую рабочую силу. Неравенство отношений в миросистеме формируется в результате зависимости экономик полупериферии и периферии от потребно-

стей передовых экономик стран ядра, неравного обмена и функционирования механизмов скрытой передачи прибавочной собственности из полупериферии и периферии в ядро.

Геополитический параметр «территория влияния» имеет два уровня – «большая» и «малая». Размер контролируемой государством территории определяется посредством ее соотнесения с размерами территорий влияния сопредельных стран или союзов государств. Например, территория современной Украины превышает размеры любого государства Европы, но значительно уступает в размере общей территории Европейского союза и, тем более, территории его влияния. Следовательно, в результате сравнения с территориями влияния Евросоюза и России территория Украины должна рассматриваться как «малая» и может быть примером типа Б4. Различия в размере территории влияния формируют целый ряд структурных различий в пространстве социальных отношений обществ миросистемы. Остановимся подробнее на преимуществах и неудобствах «большой» и «малой» территорий влияния.

Большая территория традиционно в геополитике оценивается как преимущество. Положительная оценка обширной территории государства присутствует в работах классиков геополитической мысли Ф. Ратцеля, Р. Челлена, А. Мэхэна, Х. Маккиндера, К. Хаусхофера и др. Ф. Ратцель заложил основной императив геополитической науки, обосновав взаимосвязь пространства и силы. В книге «Земля и жизнь» он утверждал: «Пространство, нужное для жизни и для прокормления, его захват и удержание за собою, вымирание в тесном, усиление в обширном районе – вот основные факторы биогеографии и, вместе с тем, истории народов» [Ратцель 1906: 659]. Геополитики первой половины XX в. связывали расширение подконтрольной территории с различными аспектами роста экономического благосостояния страны и улучшением стратегического положения государства. Современная геополитическая наука рассматривает обширную территорию как преимущество и как фактор, подталкивающий государство к экспансии. В первом принципе теории геополитической динамики Р. Коллинза утверждается, что «преимущество в размерах и ресурсах благоприятствует территориальной экспансии» [Коллинз 2015: 82]. Склонность территориально обширных государств к экспансии Р. Коллинз обосновывает, опираясь на идеи немецких социологов Г. Зиммеля, Л. Козера и М. Вебера. Военная экспансия позволяет государству с большой территорией и большими ресурсами сплотить население и в случае победы повысить международный престиж и легитимность правительства. Р. Коллинз формулирует следующий вывод: «престиж могущества государства на внешней арене влияет на легитимность его правителей во внутренней политике» [Коллинз 2015: 148]. Экономисты А. Алесина и Э. Споллаоре, опираясь на идеи М. Вебера, исследования федерализма У.Х. Райкера (*W. Riker*), а также выводы в области военной экономики К. Хартли (*K. Hartley*) и Т. Сэндлера (*T. Sandler*), тоже приходят к подобным выводам. Они отмечают, что население территориально обширных государств, как правило, характеризуется большой культурной и идеологической разнородностью. Внешние военные угрозы и необходимость обороны являются важнейшими рычагами консолидации общества, превращения разнородного населения в единую нацию [Alesina, Spolaore 2003: 95].

Территориальным преимуществом, а следовательно и тенденцией к расширению территории, обладают государства, чьи подконтрольные общества могут быть отнесены к типам А1, А2, Б1, Б2. На текущий момент примерами могут быть, соответственно, США, Европейский союз (с некоторыми допу-

щениями), КНР, Российская Федерация. Расширение территории влияния, включая мирные и квазимирные методы, происходит за счет меньших (А3, А4, Б3, Б4), менее населенных и бедных стран (группа В). Например, после распада СССР украинское общество (Б4) испытывало интеграционные процессы периферизации со стороны двух центров, а именно объединенной Европы¹ и России. Используя терминологию Дж. Арриги, следует отметить, что логики процессов периферизации, исходящие из этих двух центров, имеют различные акценты – капиталистическая в большей мере использовалась Евросоюзом, и преимущественно территориалистская характерна для Российского государства.

Геоэкономические неудобства обширной подконтрольной территории проявляются в существенных затратах на логистику, которая имеет важное значение для экономики страны, связывая удаленные регионы между собой и центром. При наличии ресурсов, например в ситуации обществ А1 и А2, затраты на логистику в рамках политических границ государства могут достаточно легко покрываться и не создавать проблем для экономики. Однако в случаях обширных полупериферий (Б1, Б2) затраты на логистику могут стать серьезным вызовом для экономик, особенно в обеспечении удаленных территорий внутренних периферий.

Отрицательным следствием больших территорий является неравномерное распределение общественных благ (медицина, образование, культура, досуг, безопасность и др.) между основными центрами страны и ее внутренними перифериями [Alesina, Spolaore 2003]. В длительной перспективе это ведет к росту культурной и идеологической разнородности населения, протестной активности населения, что в случае нестабильности политического режима (например, в результате поражения в войне) может способствовать утрате территориальной целостности. Зависимость протестной активности от уровня жизни населения и различий в ценностных установках отмечает М.Н. Дудин. Он обратил внимание, что протест, отражающий связь: «чем выше уровень жизни, тем выше протестная активность», основывается на ценностях самовыражения и характерен для экономически успешных регионов. Для регионов с низким уровнем жизни высокий уровень протестной активности возможен, когда актуализируются ценности выживания [Дудин 2022: 16]. Помимо этого, в территориально обширных государствах полупериферии и периферии идеологическая и культурная разнородность проявляется значительно, чем в странах ядра. На более высокий уровень идеологической и культурной гомогенизации в государствах ядра указывал И. Валлерстайн [Валлерстайн 2015: 429-430]. Дело в том, что государственные механизмы «выравнивания» регионов при достаточном количестве ресурсов способствуют такой гомогенизации и снижению социальной напряженности во внутренних перифериях. Следует отметить, что проблема неравенства регионов чрезвычайно актуальна для Российской Федерации.

Еще до распада СССР Дж. Арриги указывал на способность полупериферийных обществ изменять стратегию своего развития. Дж. Арриги указывал на существование двух стратегий, а именно «стратегии борьбы против исключения», когда полупериферийное общество встраивается в мировую систему

¹ Украина первая из стран бывшего Советского Союза подписала в 1994 г. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между европейскими сообществами и Украиной, а через 10 лет в целях усиления интеграции было подписано Соглашение об ассоциации между Украиной и Европейским союзом.

разделения труда и конкурирует за более благоприятную нишу в миросистеме, и «стратегии борьбы против эксплуатации» — выстраивания в ситуации разрыва сетей неравного обмена с ядром относительно автономной системы разделения труда [Arrighi 1990]. Эмпирический материал позволяет утверждать, что стратегия, основанная на «разрыве сетей неравного обмена», свойственна не всем полуперифериям; территориально малые полупериферии (как и периферии) придерживаются стратегии «встраивания в мировую систему» (Б3, Б4). Стратегию разрыва с ядром и смену стратегий могут реализовывать территориально обширные полупериферийные общества Б1 и Б2. Успех общества при стратегии «разрыва сетей неравного обмена» зависит от способности его к самоисключению из системы обмена со странами ядра, широты диапазона действий, которые оно может осуществлять, а также развития включенных в обмен внутренних и внешних периферий. История СССР (Б2) представляет собой наиболее яркий пример существования общества в условиях стратегии «разрыва». Успех общества при стратегии «встраивания в мировую систему разделения труда» зависит от уровня специализации его экономики и ее включенности в неравный обмен со странами ядра. Еще одним важным условием успеха является способность государства и экономических элит общества исключать из области специализации конкурентов на международном рынке, что диктует соответствующее отношение к обществам периферии. Территориально обширные могущественные государства полупериферии в процессе исключения конкурентов способны использовать военную силу. Существенным недостатком данной стратегии является способность гегемона и государств ядра контролировать и исключать общество из системы по мере роста специализации его экономики. Примером смены стратегий могут послужить реформы Дэн Сяопина в Китае. Однако наиболее ярким примером является ситуация, сложившаяся в России после распада СССР.

Из группы территориально обширных государств уязвимыми видятся государства, уступающие лидирующим странам в ресурсах — Б1, Б2, В1, В2, а из них наиболее уязвимы те, что занимают центральное положение в системе, т.е. имеют потенциальных противников на большем протяжении своих границ — Б2 и В2. Данные типы пространств социальных отношений описывают случаи, когда обширная территория может стать источником нестабильности политического режима и распада государства. На отрицательный эффект расширения территории влияли обращения внимание такие социологи, как А. Стинчкомб, К. Боулдинг, П. Кеннеди, Э. Лютвак [Stinchcombe 1968; Boulding 1962; Kennedy 1987; Luttwak 2009]. Основная идея здесь заключается в том, что процесс расширения территории государства ограничен количеством ресурсов, которые необходимы для осуществления контроля над ней. Данная идея сформулирована Р. Коллинзом в качестве четвертого принципа теории геополитической динамики: «чрезмерное расширение (*overextension*) приводит к ресурсному напряжению и государственному распаду, или дезинтеграции» [Коллинз 2015: 87]. Ведение боевых действий, поддержание декларируемого порядка с применением военной силы на удаленных от базы территориях требуют значительных затрат. «Ножницы» между скоростью расширения территории и скоростью активизации ресурсов с этих территорий в определенный момент создают эффект «чрезмерного груза контроля». Извлекаемых ресурсов оказывается недостаточно для продолжения военных действий и поддержания декларируемого порядка. При столкновении с лидерами миросистемы чрезмерный рост затрат на военные нужды ведет к расколу элит и социальной революции. Т. Скочпол показала это на примере Франции (1897 г.), России (1917 г.) и Китая

(1911–1949 г.) [Скочпол 2017]. Более современным примером является распад СССР в 1991 г. Иными словами, война оказывается катализатором социальной революции для обществ пространств Б2 и В2.

Малая территория влияния формирует иные рамки возможностей и иную стратегию развития государства и подконтрольного ему общества в мирной системе. Такие государства испытывают жизненную потребность во внешнем рынке, недостаток в стратегических ресурсах и, как правило, стремятся заключить военно-политический союз с лидерами мирной системы или более могущественным, чем они сами, государством. Устанавливая прочные отношения с «большим братом», они получают допуск к ранее недоступным для них технологиям и рынкам, обретают возможность снизить затраты на оборону. Успех обществ территориально небольших государств во многом зависит от того, какое место в системе международного разделения труда они смогли занять. Как отметили А. Алесина и Э. Сполора, маленькие страны не могут существовать в мире торговых барьеров и потому менее склонны к инициации войн [Alesina, Spolaore 2003: 82]. Влияние территориально обширных держав на состоянии войны и мира между малыми государствами, а также динамику этнополитических конфликтов на примере Кавказского региона исследовал К. Сванте [Svante 2001]. Развязывание военного конфликта со стороны территориально небольшого государства свидетельствует, как правило, о слабой интеграции общества в мировые торговые сети и/или наличии у «большого брата» соответствующей военно-политической доктрины и геополитических целей.

Следующим важным геополитическим параметром, формирующим базовые характеристики пространств социальных отношений обществ, является положение в системе — «окраинное» и «центральное».

Окраинное положение (marchland position) (А1, Б1, В1, А3, Б3, В3) предполагает защищенность границ государства некоторыми естественными барьерами, например такими, как горные цепи, пустыни, островное положение территории и т.д. Такие государства, как утверждает Р. Коллинз, имеют геопозиционное преимущество, которое благоприятствует экспансии с долговременным накоплением территории. «Государства, имеющие врагов на меньшем числе фронтов, расширяются за счет государств, имеющих врагов на большем числе границ» [Коллинз 2015: 82–83]. Необходимо отметить, что окраинное стратегическое положение государств не всегда дает положительный эффект, особенно это заметно при рассмотрении стран разных структурных групп мирной системы, различающихся по уровню экономического развития и состоянию вооруженных сил. Например, обширная береговая линия создает эффект защищенности и способствует развитию внешней торговли для стран А1, Б1, А3, Б3, но она может стать «воротами» для вторжения государства-агрессора на территорию стран В1, В3.

Центральное положение (interior position) (А2, Б2, В2, А4, Б4, В4), напротив, означает, что территория государства находится внутри географического региона, а его границы блокированы или на значительном протяжении соприкасаются с границами потенциальных противников. В долговременной перспективе в соответствии с третьим принципом теории геополитической динамики Р. Коллинза государства, расположенные в центре региона, «имеют тенденцию дробиться на более мелкие единицы» [Коллинз 2015: 83].

Центральное положение создает для общества целый ряд неудобств для развития. Следует отметить, что проблемы развития международных экономических связей блокированных, т.е. не имеющих выхода к морю, государств, а также

государств с ограниченным доступом к морским акваториям, т.е. обладающих узкими морскими «коридорами» (в качестве примеров могут быть приведены такие современные государства, как Азербайджан, Казахстан, Туркмения), достаточно хорошо исследованы. Дж. Сачс, К. Апрети, Л.А. Безруков и др. [Sachs 1998; Sachs, Mellinger, Gallup 2001; Upreti 2006; Безруков 2006] отмечают ряд взаимосвязанных неудобств в экономическом развитии таких обществ: это проблемы в достигаемости международных рынков; зависимость внешней торговли от стран транзита; большая стоимость импорта и экспорта; затраты на строительство и поддержание функционирования наземных транспортных сетей. К. Апрети обратил внимание на то, что экономическая зависимость заблокированного государства ведет к заимствованию государственной идеологии «большого соседа» [Upreti 2006: 7]. Помимо этого, общества, располагающиеся внутри региона, часто нуждаются в могущественном союзнике на международной арене. Примером может послужить политика «третьего соседа», осуществляемая правительством современной Монголии. Политика направлена на сдерживание интеграционных процессов со стороны двух территориально обширных полупериферийных держав – России и Китая посредством усиления связей с США, странами Европейского союза, Турцией, Японией, Южной Кореей и др. Пытаясь избежать судьбы внутренних периферий этих двух блокирующих ее границы государств-гигантов, Монголия проводит политику неограниченного открытого доступа и в 2012 г. стала партнером Североатлантического альянса [Helbig 2015].

Описав основные критерии двенадцати типов обществ, остановимся на стадиях циклов гегемонии. *Гегемон* – государство ядра, обладающее экономическим, финансовым и военным превосходством, служит для государств и обществ миросистемы образцом развития, способно длительное время поддерживать финансовую и осуществлять территориальную экспансию на глобальном уровне. В типологии это пространства социальных отношений А1 и А3. По мере расширения территории влияния изначальная окраинная позиция гегемона превращается в центральную (А2). В миросистемном подходе чаще всего выделяют четыре цикла гегемонии трех центров миросистемы: Нидерланды (XVII в.); Великобритания (играла роль гегемона дважды, а именно в XVIII и XIX вв.); США (после Второй мировой войны). Обобщая имеющиеся в миросистемном подходе представления, в каждом цикле можно выделить четыре стадии. Первая стадия – стадия баланса сил. Это период, благоприятный для восхождения новой гегемонии. Как правило, период начинается ближе к окончанию мировой войны, когда в системе существует запрос на порядок. На второй стадии государство-гегемон предлагает некоторую новацию, которая становится основанием системной реорганизации и формирует новый мировой порядок. Либеральная идеология – идеология свободного рынка – сопровождает процесс расширения миросистемы. На третьей стадии происходит укрепление новых центров и конфигураций силы. Для четвертой стадии характерно накопление противоречий в миросистеме и появление «челленджера» – государства, способного предложить новую форму миропорядка и бросить вызов гегемону. Необходимо отметить, что судьба «челленджера» в истории миросистемы всегда была трагичной. Такие государства не становятся во главе системы. Они, как правило, уступают лидеру в ресурсах, а в результате открытого противостояния разоряются, претерпевают социальные революции, проигрывают войны и т.д. «Челленджеры» «таскают каштаны из огня» не для себя. Так, Франция ввергается в революцию 1789 г. и наполеоновские войны, но помогает Америке получить независимость, а разорив

Голландию, она укрепила могущество своего противника – Англии. Дважды брошенные в первой половине XX в. вызовы миросистеме приводят Германию к Нюрнбергскому процессу, гегемоном становятся США, и СССР укрепляет свои позиции в глобальной системе. В период гегемонии США Советский Союз играет роль «челленджера». Противостояние системе приводит СССР к распаду, но этот процесс сопровождается объединением Германии, формированием Европейского союза, финансовой экспансией европейского капитала в бывшие советские республики Восточной Европы и расширением НАТО, играющего для европейского капитала роль «военного зонтика». Обращает на себя внимание, что указанные случаи «челленджеров» близки к параметрам типа Б2.

На современном этапе мир входит в четвертую стадию. Соответствующие идеи уже давно присутствуют в риторике политических лидеров территориально обширных полупериферий – России, Венесуэлы, Китая. Текущие события показывают, что роль «челленджера» взяло на себя Российское государство. Сегодня мир стоит на пороге серьезных трансформаций, т.к. очередной «вызов» системе был брошен 15 декабря 2021 г.,¹ он же прозвучал в обращении президента России к россиянам о начале военной операции на Украине².

Заключение. В заключении следует подчеркнуть, что типология пространств социальных отношений в миросистеме является результатом синтеза основных положений миросистемного подхода и теории геополитической динамики Р. Коллинза. Она позволяет исследовать динамику обществ с учетом имеющихся структурных геополитико-миросистемных детерминантов. Типология показывает, что существует ряд объективных характеристик пространства социальных отношений, которые делают состояния и процессы для одних обществ более вероятными, чем для других. В качестве инструмента познания типология может дать значимые результаты при исследовании современных процессов в России и в обществах постсоветского пространства.

Список литературы

Арриги Дж. 2006. *Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего. 472 с.

Безруков Л.А. 2006. *Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии*: автореф. дис. ... д.геогр.н. Иркутск. 51 с.

Валлерстайн И. 2015. *Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 552 с.

Дугин А.Г. 2007. *Геополитика постмодерна*. СПб: Амфора. 384 с.

Дудин М.Н. 2022. Протестные настроения и уровень жизни населения России: краткий эмпирический анализ. – *Власть*. Т. 30. № 1. С. 9-16.

Изгарская А.А. 2002. Реконструкция геополитических концепций. – *Макродинамика: закономерности геополитических, социальных и культурных изменений*. Новосибирск: Наука. С. 5-158.

Коллинз Р. 2000. Предсказание в макросоциологии: случай советского кол-

¹ День передачи Министерством иностранных дел Российской Федерации американской стороне проекта Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности. – *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. 17.12.2021. Доступ: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818 (проверено 19.03.2022).

² Путин сообщил россиянам о начале военной операции на Украине. – *Интерфакс*. 24.02.2022. Доступ: <https://www.interfax.ru/russia/824020> (проверено 19.03.2022).

лапса. — *Время мира*: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 1. *Историческая макросоциология в XX веке* (под ред. Н.С. Розова). Новосибирск: Изд-во НГУ. С. 234-278.

Коллинз Р. 2015. *Макроистория*: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС; ЛЕНАНД. 504 с.

Ратцель Ф. 1906. *Земля и жизнь. Сравнительное земледование*. СПб: Изд-во акционерного общества Брокгауз — Эфрон. Т. 2. 661 с.

Скочпол Т. 2017. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая (пер. с англ. М. Моисеева). М.: Изд-во Института Гайдара. 552 с.

Цымбурский В.Л. 1993. Остров Россия. Перспективы российской политики. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 6-53.

Цымбурский В.Л. 1997. «От великого острова России» (к прасимволу российской цивилизации). — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 34-56.

Alesina A., Spolaore E. 2003. *The Size of Nations*. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press. 262 p.

Arrighi G. 1990. The Developmentalist Illusion: a Reconceptualization of the Semiperiphery. — *Semiperipheral States in the World-economy* (ed. by W.G. Martin, I. Wallerstein). N.Y.: American Sociological Association; Greenwood Press. P. 11-44.

Boulding K. 1962. *Conflict and Defense*. N.Y.: Harper and Row. 349 p.

Helbig R. 2015. NATO-Mongolia Relations: Limited in Scope, but with Room to Grow. — *NATO Defense College*. № 116. P. 1-13.

Kennedy P. 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500–2000*. N.Y.: A Division of Random House. 368 p.

Luttwak E.N. 2009. *The Grand Strategy of Byzantine Empire*. Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press. 498 p.

Sachs J. 1998. International Economics: Unlocking the Mysteries of Globalization. — *Foreign Policy*. Spring. Vol. 110. P. 97-111.

Sachs J., Mellinger A.D., Gallup J.L. 2001. The Geography of Poverty and Wealth. — *Scientific American*. Vol. 284. No. 3. P. 70-75.

Stinchcombe A.L. 1968. *Constructing Social Theories*. Chicago: University of Chicago Press. 320 p.

Svante E.C. 2001. *Small Nations and Great Powers: a Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus*. London: Routledge. 490 p.

Uprety K. 2006. *The Transit Regime for Landlocked States: International Law and Development Perspectives*. Washington: The World Bank. 205 p.

IZGARSKAYA Anna Anatol'evna, Dr.Sci. (Philos.), Leading Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaeva St, Novosibirsk, Russia, 630090; aizgarskaya@gmail.com)

GEOPOLITICAL AND WORLD-SYSTEM FACTORS IN THE DYNAMICS OF MODERN SOCIETIES: A RESEARCH OF STRUCTURAL DIFFERENCES

Abstract. *Ideas about the structural differences in the models of development of modern societies take place in the content of geopolitical theories and the world-system approach. The article is devoted to identifying these differences and developing a unified theoretical toolkit that allows exploring the complex structure of multiple modern societies. The synthesis of the key concepts of the theory of geopolitical dynamics (bigger territorial size – smaller territorial size, interior position – marchland position) and the world-system approach (core, semi-periphery, periphery) formed the basis of the typology of spaces of social relations. The twelve types reflect the basic interconnections of external and internal factors in the dynamics of modern states and societies under their jurisdiction, as well as the structural advantages/disadvantages of their existence. The article provides examples of states and societies associated with different types. The author argues that states of different types have different development strategies and perform different roles in the stages of the hegemony cycle of the world-system. The role of the hegemon of the world-system, as a rule, plays the state of the core with a marchland position, capable of supporting financial and territorial expansion at the global level for a long time. The marchland position of the hegemon turns into a central position as the territory of influence expands. The role of the «challenger» – a state that is able to offer a new form of world order play the states that are similar in characteristics to the type of semi-periphery with a territorial advantage and a central position in the system. As a conclusion, the author notes that typology can give significant results in the study of modern processes in Russia and the societies of the post-Soviet space.*

Keywords: *world-system approach, geopolitical theory, dynamics of societies, territory of influence, cycles of world-system hegemony*